АРМЕЙСКИЙ СБОРНИК

№ 7
ИЮЛЬ 2022

СЛУЖБА ВОЙСК

НЕ ВПАСТЬ В СТУПОР

ПО СЛЕДУ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

«ДОНЦЫ» ВОЗВРАЩАЮТ ИМЕНА ГЕРОЕВ

Ю. СЕЛЕЗНЕВ,
специальный
корреспондент

Те, кто интересуется историей и повседневными буднями поисковых отрядов, зачастую обращают внимание на вполне логичную закономерность: у истоков такой работы нередко стоят люди, имеющие к ней личный интерес. У кого-то в годы войны пропал без вести дед или прадед. Кто-то почувствовал душевную необходимость подробнее разузнать боевой путь полка, в котором служил отец. Если учитывать, что в нашей стране редко встретишь семью, в которой кто-либо из представителей старшего поколения не служил бы, не воевал, не партизанил, то и тенденция понятна — круг «интересантов» расширяется из года в год. И это несмотря на то, что в ряде случаев поисковым волонтерам ни на что иное, кроме как на собственные силы и поддержку меценатов, рассчитывать не приходится.

Вполне подпадают под общее правило и многие активисты казачьих поисковых отрядов объединения «Донцы» войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское». В этом смысле достаточно характерна судьба командира сводных казачьих поисковых отрядов Егорлыкского района Ростовской области Дмитрия Санина.

Будучи к тому же атаманом юртового казачьего общества, Дмитрий Николаевич и по роду службы, и по призванию в течение многих лет занимается военно-патриотическим воспитанием казачьей молодежи. Поэтому когда судьба в образе давнего друга и односума Александра Кучина

привела его однажды на окраину села Куйбышево, что также в Ростовской области, и подвигла сделать первый, пока совершенно дилетантский, но очень значимый шаг в поисковой практике, Санин понял, что это то, что ему по-настоящему близко и важно.

Приехав как-то в гости к старинному приятелю, он, во-первых, невероятно удивился, когда увидел, как можно, искренне любя, увековечить память павших советских бойцов посредством цветочной композиции, высаженной в собственном палисаднике. С отменным вкусом подобранные миниатюрные маргаритки, стройные нарциссы вкупе с тюльпанами всех цветов и оттенков открывали взору картину бегущего в атаку солдата.

— Это как? — только и спросил изумленно юртовой атаман.

— А вот так,— ответил, довольный произведенным эффектом, Александр Кучин. — Да это что! Хочешь, настоящую войну покажу?

Наскоро собравшись и прихватив с собой штыковую лопату, они вышли за околицу села. Буквально в нескольких сотнях метров от окраины виднелись поросшие бурьяном углубления в почве.

— Тут были окопы, — коротко пояснил Кучин. — Вон, видишь, каски и гильзы валяются. Жарко здесь нашим солдатам в 1943-м было.

Санин молча взял лопату и копнул мягкую суглинистую землю. Практически первый же выворот почвы извлек на поверхность человеческие останки и истлевшие клочья красноармейской шинели. Тут нашел свое последнее пристанище советский солдат. Один из многих тысяч, полегших близ Куйбышево при штурме незаслуженно забытого, кровавого Миус-фронта.

Случай этот произошел еще в начале 1990-х. Но памятным для Дмитрия Санина стал на многие годы. И не только памятным — определившим жизнь далеко вперед.

Дмитрий Николаевич — родовой или, как принято говорить на Дону, природный казак. Был одним из тех, кто на рубеже веков стоял у истоков возрождения донского казачества. В том числе и поэтому был в числе выступивших с инициативой о создании поискового объединения войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» в рамках Поискового движения России.

И процесс пошел. Не сказать, что все было гладко. Проблем на заре становления у нового поискового объединения имелось немало. Нужно было сформировать районные и юртовые отряды, привести их работу в соответствие с актуальным законодательством в этой сфере, привлечь в них активных членов первичных казачьих обществ, обговорить степень сотрудничества с местными властями, органами военного управления. И это далеко не полный перечень.

Одновременно Дмитрий Санин вел и свой собственный, личный поиск. Дело в том, что в августе 1941 года был призван в Действующую армию и пропал без вести его дед, Дмитрий Иванович Санин. Военную подготовку проходил в 45-й запасной стрелковой бригаде, дислоцировавшейся в то время в г. Белая Калитва. Затем, по отрывочным сведениям, воевал на Брянском фронте. Далее следы его терялись.

Дмитрий Санин долго работал в архивах, перелопатил не один том документов военного времени. Разузнал все, что мог о воинской части, в которой служил его дед. И хотя прояснить судьбу родственника ему пока не удалось, труд не пропал зря. Дмитрий Николаевич не только глубоко проникся духом и сутью поисковой деятельности — ведь она включает в себя не одни лишь полевые изыскания, — но и собрал богатый материал о боевом пути 45-й стрелковой бригады. Работает над книгой на эту тему.

За годы поисковой деятельности Дмитрию Санину и его коллегам по казачьему поисковому отряду удалось «поднять» останки нескольких тысяч бойцов и командиров Красной армии. Работали и в Ростовской области, и под Вязьмой, и в Крыму, в других регионах России. Хоть установить личность погибшего воина удавалось далеко не всегда, каж-

Образцы вооружений и предметы амуниции, найденные казачьими поисковиками

вырвать из небытия имя еще одного погибшего героя, найти его родственников.

Десять лет понадобилось поисковикам, чтобы идентифицировать личность, узнать архивные данные и разыскать родных Ивана Петровича Кросикова, останки которого были обнаружены ими близ хутора Скелянский Куйбышевского района Ростовской области. Установить данные удалось благодаря именной надписи на фляжке. Выяснили, что рядовой И. П. Кросиков служил телефонистом 555-го стрелкового полка. А в их родном селе Средний Егорлык проживает внук павшего фронтовика, названный в честь деда, Иван Кросиков. Он приехал на торжественное перезахоронение останков деда и был искренне

дый раз внимательнейшим образом обследовали останки, сохранившуюся одежду, амуницию, уцелевшие личные вещи — вдруг найдется какая- то зацепка.

Бывали моменты, когда, в очередной раз, обнаружив останки павшего солдата, Санин невольно думал: как знать, может, это и есть его дедушка?

Однажды во время раскопок в Куйбышевском районе они обнаружили изъеденный ржавчиной ППШ. Затем «подняли» останки бойца, застывшего в сидячей позе. Неподалеку нашелся хвостовик убившей его мины — лобовая кость была пробита осколком. Все было на месте: шинель в скатке, котелок, даже на глазах превратившийся в труху треугольник письма. Не было только «смертного» медальона. Несколько ночей солдат, будто во плоти, снился ему. Он молчал и с немым укором смотрел на него. Словно взывал о помощи: «Узнай меня. Сообщи обо мне».

Санин просыпался в холодном поту и потом до утра не мог заснуть. Понимал, ничем солдату он помочь не может.

И тем важнее, ценнее для него и коллег-поисковиков были случаи, когда хоть изредка удавалось

Молодые казаки — воины 90-го отдельного специального поискового батальона

благодарен казачьим поисковикам за их важную работу.

За несколько лет поисковые отряды Всевеликого войска Донского прошли путь от дилетантских в значительной степени подразделений, исключительной движущей силой которых являлся голый энтузиазм активистов, до серьезных поисковых структур. Их ядро составляют опытные активисты, за плечами которых уже не один полевой сезон, многолетняя работа в архивах, налаженные связи с коллегами-поисковиками из других регионов России. Среди наиболее «неугомонных» в егорлыкском отряде — заместитель командира Дмитрий Золотухин, атаман хуторского казачьего общества «Рассвет» Владимир Малыгин и некоторые другие.

Заслуженным авторитетом среди коллег также пользуется заместитель атамана Куйбышевского юрта, командир казачьего поискового отряда «Старый Миус» подъесаул Марина Шевченко. К слову, в Ростовском региональном отделении Поискового движения России это подразделение считается одним из лучших.

На счету бойцов «Старого Миуса» — десятки вахт Памяти и множество возвращенных из небытия советских воинов, павших на полях сражений. Так, по итогам минувшей Вахты Памяти казакам удалось обнаружить и передать для захоронения в специально отведенном секторе Народного военно-исторического музейного комплекса Великой Отечественной войны «Самбекские высоты» близ Таганрога останки 33 бойцов и командиров. Имена трех из них удалось установить. Это уроженец Южной Осетии Котэ Кайтикоевич Багаев, житель донбасского Антрацита Дмитрий Игнатович Боровченко и Федор Иванович Ралдугин, проживавший в Воронежской области.

Помимо самих экспедиций и произведенных полевых работ казаки активно занимаются благоустройством воинских захоронений и памятных мемориалов, организуют благотворительные концерты не только в пределах Ростовской области, но и в Крыму, на Донбассе.

«Старый Миус» стал инициатором первого слета казачьих поисковых отрядов Дона. Отснятые творческой группой отряда видеосюжеты нередко являются важной составной частью информационного сопровождения различных поисковых мероприятий: слетов, конференций по обмену опытом, рабочих встреч.

В программу историко-краеведческой экспедиции «Кровь и слава Миуса», инициированную казаками, входят не только собственно поисковые работы, но и лекции, беседы на военно-исторические темы, встречи с представителями духовенства, историками и краеведами.

Немаловажным фактором является и тесное взаимодействие с местными администрациями. В Егорлыкском районе, например, из небогатого районного бюджета накануне очередной Вахты Памяти выделяют средства на транспортные расходы, ремонтируют или, при необходимости, закупают палатки, шанцевый инструмент, агитационную атрибутику.

В минувшем сезоне поисковики из егорлыкского, веселовского, манычского и песчанокопского отрядов «подняли» на территории Веселовского района Ростовской области останки 60 бойцов и командиров Красной армии. Они позже были с почестями перезахоронены на Кумженском мемориале донской столицы и на Самбекских высотах.

Конечно, одной из труднейших задач для казачьих поисковиков, как и для многих их коллег, было и остается опознание личностей павших воинов. Увы, но со временем эта проблема только усугубляется. И дело не только в том, что каждый месяц, даже каждый день, удаляющий нас от военных лет, превращают «смертные» медальоны в прах и пепел. К тому же осложняется архивно-поисковая работа с привлечением документов, хранящихся в бывших союзных республиках СССР, все труднее разыскать родственников, проживающих в различных регионах, а теперь независимых странах, бывшего Советского Со-

юза. Поэтому очень важно взаимодействие поисковиков с работниками местных администраций, представителями военных комиссариатов. Уже в течение многих лет, например, другом и помощником бойцов поисковых отрядов является сотрудник военного комиссариата Ростовской области Николай Пономаренко. Он не только сам помогает поисковикам изучать доступную информацию, но и организует взаимодействие с районными военкоматами.

Еще одна проблема, с которой время от времени приходится сталкиваться казачьим поисковикам, — рекультивация участков земли, на которых проводится работа. Если речь идет, допустим, о неудобьях, где механизированная обработка почвы затруднена — склонах оврагов, прибрежных зонах и т.п., вопросов нет, копай, сколько заблагорассудится. А вот для поисковой деятельности на плодородных участках землевладельцы разрешение дают не очень охотно.

— Нередко поисковики сами виноваты,— размышляет Марина Шевченко. — Отработают тот или иной сектор и бросают неухоженными земляные развалы. А ведь там проводятся сельхозработы.

Поэтому опытные поисковики стараются по мере сил восстанавливать пройденные участки, наносить сельхозугодиям минимальный ущерб.

Вопрос настолько актуальный, что был вынесен на рассмотрение одного из заседаний Законодательного собрания Ростовской области. Впрочем, донские парламентарии к единому мнению по этой проблеме пока так и не пришли.

Традиционной «головной болью» бойцов поисковых отрядов Дона остается проблема дальнейшей судьбы найденных артефактов. Особенно это касается оружия. По закону каждый найденный на местах боев «ствол» необходимо сдавать в ближайшее отделение полиции. Иначе и уголовное дело за незаконное хранение оружия могут возбудить. Практика показывает, что судьба оказавшегося в руках стражей порядка стрелкового вооружения одна — быть уничтоженным. Крайне редки случаи, когда экспертная комиссия выдает заключение, что это уже не винтовка, пистолет, автомат, а всего лишь музейный экспонат.

— Поэтому мы сразу после обнаружения стараемся передать найденные образцы вооружения в музеи, — говорит Дмитрий Санин.

Сейчас в донском регионе крупнейший получатель военных артефактов — Народный военно-исторический музейный комплекс Великой Отечественной войны «Самбекские высоты». У музеев гораздо больше возможностей официально легализовать оружейные единицы, оформить необходимые документы. Да и путь этот наиболее логичный, ведь найденным артефактам место именно в музейной экспозиции, где они смогут играть единственную оставшуюся им роль — историческую и воспитательную.

Чем еще примечательна деятельность казачьих поисковых отрядов, это тем, что они, помимо прочего, являются своеобразной кузницей кадров для 90-го отдельного специального батальона Западного военного округа.

— Начиная с 2018 года войсковое казачье общество «Всевеликое войско Донское» совместно с территориальными органами военного управления на постоянной основе принимает участие в отборе юношей-казаков для прохождения военной службы по призыву в поисковый батальон специального назначения Минобороны России,— пояснил директор ГКУ Ростовской области «Казаки Дона» Алексей Силантьев.

Всего конституционный долг Родине в составе этой необычной воинской части, занимающейся увековечиванием памяти павших на поле боя советских воинов, за этот период отдали более 20 молодых казачьих поисковиков. В их числе — член городского казачьего общества «Ростовское» рядовой Евгений Дорошенко, ефрейтор Кирилл Мельников из Азовского района и многие другие. А начинали они свой путь бойцами казачьих поисковых отрядов. Полученные в ходе вахт Памяти знания и навыки помогли сделать их службу в спецбатальоне более эффективной и результативной.

Сегодня поисковое объединение «Донцы» находится в едином строю Поискового движения России, внося свой вклад в то, чтобы громко, набатом звучали слова: никто не забыт, и ничто не забыто.

В разгаре очередная казачья «Вахта Памяти»